

Алексей К. Смирнов

Охота на труса

Повесть и рассказы

Алексей Смирнов

Охота на труса

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Охота на труса / А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

В настоящий сборник вошли произведения 2015 года: фантастический триллер «Гнездо титанов» и рассказы — «Охота на труса», «Тормозной след», «Локоны» и другие: смешные, страшные и неизменно сюрреалистические.

Содержание

Гнездо титанов	6
Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвертая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Охота на труса
Повесть и рассказы
Алексей К. Смирнов

© Алексей К. Смирнов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гнездо титанов

повесть

Пролог

Книга мешала бежать.

Увесистый, богато изданный фолиант с картинками и фотографиями, с позолоченным обрезом, золотым тиснением и металлическими уголками приходилось держать под мышкой, потому что тонкие ручки пакета грозили порваться, а сам пакет стал скользким от дождя.

Гром гнался по пятам, понуждая спотыкаться и приседать.

Черное небо шло мохнатыми трещинами.

Он достиг перекрестка и замешкался, не зная города. Он промок до нитки. Форма налилась тяжестью, в угольно-черных ботинках хлюпала вода.

«Zum Teufel», – подумал он. К черту. Направо.

И побежал по пустынному проспекту, нутром угадывая, что выбрал правильный путь. Неоновые вывески растворялись и превращались в милые его сердцу акварели. У него не было большого таланта, но педагоги хвалили его и всячески воспитывали в нем художника.

Подшвы отрывисто шлепали по лужам. Серебристо-черные струи лились с тротуаров, топя в себе отсветы фонарей. Наверное, он задыхался, но думать об этом было некогда. Он мчался, как заяц, не разбирая дороги и неловко прижимая к себе пухлый том.

Мостовая стала булыжной, сзади выпрыгнул охотничий джип. Винтовочный выстрел слился с громовым раскатом. Бежавший не различил его, но снова учуял хребтом и в последнюю секунду метнулся в сторону. Пуля выбила искры. Джип прибавил скорость; тяжелая и мягкая дробь слилась в ровный шорох и приложилась к дождю.

Еще раз направо.

И там она оказалась, стена под колючкой. Не родная, но очень похожая на привычную. При виде ее бежавший вдруг испытал горькую досаду. Чего же стоило его чутье? Дорогу он нашел, но дальше ему не светило ничего доброго. Это был даже не его приют. Такой же, ближайший, выбирать не пришлось, но все равно чужой. Впрочем, это не имело значения. Он знал, что далеко ему не уйти, и выбрал единственное место, которое знал, отыскал поблизости и до которого мог дотянуть. Может быть, кто-то не спит. Может быть, кто-то заметит неладное и попытается разобраться еще на месте, до того, как попадет в люди. Один шанс на десять миллионов. Конечно, дело замнут. Понятно, что до книги никого не допустят. Она была камнем, который плюхнется в сонный пруд, и это в лучшем случае.

Стрельба явилась для него неожиданностью. После первого выстрела он решил, что его берут на испуг, однако вторая пуля пролетела так близко, что ему пришлось пересмотреть свое мнение. Он, разумеется, задумывался о последствиях и гадал, каким будет наказание, но совершенно не ожидал, что по нему откроют огонь на поражение. Знай он об этом – возможно, и не решился бы на побег, который был, говоря откровенно, дурным ребячеством и отчасти – желанием посмотреть, что за этим последует. Теперь было поздно. Со стены его всяко снимут либо руками, либо пулей. Он собирался сбросить фолиант и дальше бежать уже не знамо куда, потому что перелезть через стену не было никакого смысла. Но было ясно, что его бег завершится, скорее всего, под ней, и ему отчаянно захотелось остановиться и сдаться.

Третий выстрел выбил пакет из рук. Пострадал металлический уголок: отскочил. Пакет плюхнулся в лужу. Почти не снижая скорости, он подобрал его и огромными прыжками понесся к стене.

Стена, обычно серая, была черной. На вышке горел прожектор, но светил он внутрь. Там было желто и мертво. Трехэтажный корпус с зарешеченными окнами спал. Под стальными воротами не было ни миллиметра зазора, створки катились по рельсам. Блестели колючие проволочные кольца. Из трубы вылетал рваный пар, который тотчас прибывало ливнем: кухня не знала покоя, и там уже готовились разносолы. Бежавшему почудился знакомый запах мраморной говядины – выверты подсознания; зрительная память сопряглась с обонятельной и вкусовой.

Он прикинул, достаточно ли хорошо разбежался, чтобы взлететь на самый верх. Пожалуй, что нет. Он был никудышный спортсмен. Не видно было ни подходящего дерева, ни тем более лестницы. В приютах тщательно следили за такими вещами. Оставалось швырять. Он взмолился, чтобы кому-нибудь из воспитанников не спалось. Пусть кто-то, как не однажды случалось ему самому, томится возле окна спальни и плющит нос о пуленепробиваемое стекло в попытке различить сквозь прутья происходящее снаружи, где никогда не бывал и куда ни за что бы не сунулся, даже имея дозволение.

Джип настигал. Он оглянулся: открытый автомобиль, три черные фигуры. На них... он опешил и даже притормозил. Пробковые шлемы! Ошибиться было нельзя. К чему этот маскаррад?

Один ездок вскинул винтовку. Беглец пригнулся и припустил втрое пуще прежнего. Стена стремительно приближалась. Очередной выстрел прозвучал уже сам по себе, без грома, и луч прожектора мгновенно метнулся на шум. Бежавший чуть не ослеп. Ему даже сделалось жарко – еще одна дурацкая подсказка услужливой памяти, среагировавшей на яркий свет. Сердце достигло глотки и молотило, как дрессированный заяц по барабану.

Он бросил книгу.

Поразительно, невысказано – у него все получилось. Он слышал о рекордах, которые ставили простые смертные, спасавшиеся – от кого? Все вылетело из головы. От бешеного быка, например. Они без труда брали невысказанные высоты. Фолиант перелетел через ошестинившиеся витки проволоки и скрылся из виду. Огонек? Ему померещился огонек в окне второго этажа – фонарь или спичка.

– Брат! – заорал он. – Найди ее потом, найди! Пожалуйста, bitte sehr!

Может быть, его и услышали, он не узнал об этом. Последняя пуля снесла ему половину черепа. Черной птицей мелькнула челка, встопорщились юношеские усы. Он грохнулся наземь, выбросив перед собой руки. Луч прожектора на миг задержался на трупке и поспешил сместиться. Джип остановился в пяти шагах. Из него вышли люди. Они направились к нему, качая шлемами и поглядывая на темные окна.

Глава первая

– Клон колчерукий, – прошипел Иоганн. – Чего прикрываешь тетрадь?

– Я тебе пупок покажу. После отбоя, – пообещал Дато.

– А я туда харкну. Достали со своим пупком! Все равно нас вырастили в пробирке и посадили черте-кому.

– Это нэ клоны, – назидательно возразил Дато. – Клон это когда тэбя целиком выращивают в колбе. Тэбя послушать, так лубой искусственник уже клон!

И заработал по руке линейкой.

Сановничий навис над ним, похожий на сказочную костлявую смерть. Задайся кто-нибудь целью нарисовать Кашея или оживший труп – ни при каком даровании не вышло бы лучше. Директор был настолько страшен лицом, что уже и смешон: голый безбровый череп и тонкий рот; глаза, похожие на два тележных колеса, проехавшихся по пепелищу; скулы, выпиравшие так, что смахивали на крылья маленького самолета; длинный хрящеватый нос и морщины столь глубокие, что их можно было принять за старые шрамы, а лучше – за неумелую попытку художественной резьбы по оголенному бревну. Живой портрет был близок к лубку. Душа Сановнического была намного краше, и дальше удара линейкой он в наказаниях не заходил. Он сильно пришепetyвал и раздувал слона из каждого пустяка: при виде малейшей шкоды кожаные складки, заменявшие ему брови, сдвигались, губы вытягивались в хобот, голова чуть втягивалась в плечи и начинала покачиваться, как было с ним и сейчас.

– Вшего-то и нужно дошидеть до жвонка, – затрубил он. – Дато! Школько можно общашывать эту глупошть про клонов?

Сухорукий Дато смотрел дерзко.

– Господин дырэктор, – сказал он с деланной важностью. – Звонок нэ работает. Его испортил какой-то хулиган.

Сановничий нахмурился и посмотрел на часы.

– Отштали, никак? – проговорил он беспомощно и перевел взгляд на стенные.

Класс уже ликовал.

Директор укоризненно покачал головой.

– Дато, Дато, – молвил он. – Никак не пойму, откуда у тебя грузинский акцент? Вроде бы рош шо вшеми, ушился по-рушшки...

Он сказал это, словно не знал про специально оплаченную и проведенную втайне гипноиндукцию.

– Ушился, господин дырэктор, совсэм я по-рушшки ушился, – закивал тот.

Тут и раздался звонок. Сановничий потерянно посмотрел на доску, исписанную уравнениями. Потом повернулся к классу. В иных смыслах вымуштрованные и даже затравленные, воспитанники отдыхали на директорских уроках, где можно было ждать отношения самого сурового, но нет, как раз Сановничий давал им поблажки и многое спускал – например, за сегодняшнее кривляние русистка Смирдина поставила бы придурковатого Дато на кирпичи, да отправил бы на отчетку к отцу Иллариону; биолог Мандель послал бы его чистить сортиры, а мягкий, добрейший с виду историк Пыльин и вовсе засадил бы недоросля в карцер, и с рук долой, и самому Пыльину спокойно и уютно, он уж забыл бы про это через минуту, благо сам от роду не бывал не то что в карцере, но даже в полицейском участке.

Сейчас они вольничали, как умели – то есть с немалой оглядкой даже при снисходительном начальстве. Русоволосый, картавый и подловатый Дима подставил ножку толстяку Джонни, и тот рассыпал учебники, задев при этом прилежного, но скрытного Суня, который всегда поднимался и уходил последним. Чего он ждал, просто сидя за партой и глядя раскосыми глазками перед собой, никто не знал.

– Дорогу! Дорогу!

Чернокожий Боваддин скалился и толкал по проходу кресло-каталку, в котором сидел парализованный ниже пояса Эштон. Тот, лицом похожий на лисицу, был вооружен плевательной трубкой, и все сходило ему с рук по причине увечья. Дима отскочил в последний момент. Иоганн обнялся с Дато, что-то бурча ему на ухо. Улыбчивый Ибрагим смотрел на них и пытался собрать в кулак бородавку из трех волос – оглаживал ее как бы, щупая воздух; и всячески холил: мерзкую, бесцветную и даже не волосяную, а вроде из органических белых нитей, как будто некий паук еще только выпускал сок из брюшных железок.

В классе были две отроковицы: дебелая Марфа и чернявая Гопинат. Они чинно сложили учебники и тетради, после чего принялись шушукаться над учебным планшетом. Замкнутая приютская сеть была дальней и бедной родственницей всемирной паутины, но Марфа и Гопинат не знали другой и довольствовались убогой внутренней циркуляцией селфи. Понятно было, что юноши сохли по ним. Всем уже исполнилось по шестнадцать-семнадцать, а кое-кому и восемнадцать лет, и женская с мужской половины давно были готовы абсолютно на все, но правила строго-настрого запрещали предосудительные связи. Следили камеры, хотя и не вездесущие; поговорить свободно удавалось шепотом или под шум воды в душевой. Впрочем, эти запреты странным образом не распространялись на рукоблудие и однополюе контакты. Оные не поощрялись, но на них смотрели сквозь пальцы, считая некоторую разрядку полезной и разумной. Молодые люди не только познали друг друга, но и успели осточертеть себе, а что касалось девиц, то эти помалкивали, и правду об их дружбе могли поведать только приютские архивы, где хранились видеозаписи и суточные отчеты дежурных преподавателей.

Сановничий тоже собрал свои бумаги. Ночью случилось чрезвычайное происшествие. Часовые отправились под трибунал. Предмет, который попал на территорию приюта, был заперт до поры в его сейфе и ждал передачи владельцу. Но вышел немалый шум, и тот не спешил выходить на сцену, а потом злополучную книгу, от которой не было никакого проку, а вред мог получиться немалый, лучше было попросту сжечь в кухонной печи. Она не представляла никакой ценности – роскошное издание, но не больше, вдобавок пострадавшее от ненастья и пуля.

Директор всегда выходил последним.

Он проводил взглядом Дато, который и захлопнул дверь. В коридоре поскрипывала невидимая коляска Эштона.

Сановничий в очередной раз уловил нехорошее слово «клон». В нем не было ничего особенного, воспитанникам естественно интересоваться и озадачиваться своим происхождением. Они действительно были искусственниками. Но директор боялся. Дело считалось настолько важным, что ему становилось дурно всякий раз, когда Дато – особенно Дато – по неведению приближался к опасной черте. Сановничий считал дни, остававшиеся до выпуска и прощания навсегда, о котором воспитанники не подозревали.

– Довольно! – сказал себе директор и встал из-за стола.

Жечь.

Он подошел к двери и толкнул ее, но та оказалась заперта. Коротко взвыла сирена. И смолкла. И свет погас. Неустановленная злая воля вырубил все, что питалось выделенной подстанцией.

Глава вторая

История обитателей приюта звучала довольно замысловато, но проверить ее подлинность не было никакой возможности.

Лет двадцать назад искусственников поразила неизвестная хворь, которая не признавала границ. Пересадка оплодотворенных яйцеклеток давным-давно стала обычнейшим делом. Они либо приживались, либо нет. Но вдруг возникла напасть, и неизученная болезнь начала поражать готовых младенцев. Без всякой видимой причины они покрывались язвами и начинали истекать кровью, которая хлестала откуда могла. Было сделано важное наблюдение: этого не случалось в определенных климатических и геомагнитных зонах при соблюдении ряда условий – полной изоляции от окружающего мира, хорошего питания, ежедневного врачебного контроля с облучением крови ультрафиолетовыми лучами и введения особых сывороток. Такому же воздействию подвергался и персонал, который, однако, обладал свободой передвижения и не подлежал информационной блокаде.

Мало-помалу таких бедолаг собрали в специальных приютах со всего мира. Джонни приехал из Великобритании, Боваддин – из Центральной Африки, Гопинат – из Индии, Дато – из Осетии, и так далее. С малышами было легко – когда им исполнилось два года, пять и даже десять; в четырнадцать стало труднее. Они повзрослели, Сановничий собрал неплохих педагогов, и развитие воспитанников шло полным ходом. Начались неудобные вопросы: чем был опасен тот же интернет, будь он неладен? Уроки информатики и физики проводились на высоте, и обойти его существование молчанием было никак нельзя. Пришлось изворачиваться. Пришлось городить всякий вздор о пагубных информационных потоках, которые за пределами благоприятной геомагнитной зоны могли оказать пагубнейшее воздействие на легкие, печень, мозг и селезенку. Помогало одно-единственное утешение: когда-то настанет счастливый день, и ворота откроются. Болели только дети. Все воспитанники отправятся в мир, а дело преподавателей – рассказать о нем как можно подробнее и подстелить солому для неизбежных падений. Эти слова Сановничий всегда произносил с удовольствием, потому что говорил правду. Так и будет. Для мира их и готовили. Другое дело, что им не открывали всей правды, и этот пункт в свое время вызвал ожесточенные споры – приюты еще только проектировались, а будущие педагоги и тьюторы ломали копья, пытаясь определить допустимую дозу истины. Радикалы с одной стороны клялись, что и дозировать нечего – пусть знают все и сразу, тем лучше будет выполнена задача. Не на убой же их вырастят и не на органы! Радикалы с другой поминали неокрепшую юную психику и грозили страшными душевными конфликтами. Победили последние. Сановничий с годами оценил их мудрость.

Он знал, что опасности нет, и все-таки порой ловил себя на страхе, с которым вдруг всматривался в зеленоватые глаза Димы, оценивал молодой пушок на губе Иоганна, прислушивался к скрипу колесницы Эштона, задерживался взглядом на пышной груди Марфы. Ему мерещились подозрения и догадки. Сановничий лично просматривал суточные записи с камер наблюдения, вникал в разговоры, перехватывал взгляды. Его тревоги имели некоторое основание, потому что недоумение воспитанников возрастало по экспоненте. Что это за сыворотки? Спасибо Манделю за этот вопрос. Он научил своих питомцев достаточно хорошо, чтобы те усомнились в существовании сыворотки от неизвестной болезни. Зачем за ними следят? Во избежание горящих, необдуманных поштупков – так отвечал Сановничий, напирая на общее благо. Каких-таких поступков? Директору не хотелось обговаривать саму возможность побега, но деваться было некуда. Он потчевал воспитанников жуткими рассказами о других приютах, где якобы совершались такие попытки, а после несчастных обнаруживали полуразложившимися, издававшими невыносимый смрад. И даже якобы сожгли дотла один филиал, которому не повезло открыться в далекой и дикой стране, потому что в народе жил

суеверный ужас перед непобедимым вирусом, который мог не сегодня завтра мутировать и отправиться в победное шествие по земному шару.

Но главное: что дальше? к чему их готовят и почему не говорят?

Ответ на этот каверзный и самый сложный вопрос был ослепительно прост: ни к чему особенному. К жизни как таковой! Сановничий, измысливший эту формулировку, не уставал себя хвалить за находчивость. После такого откровения можно было бесконечно долго плести про путевку в жизнь, открытость многих дорог и достойное место под солнцем. Тем более, что о бесконечности речь не шла. Времени осталось совсем немного, выпуск назначили на следующий май. Директор уже прикидывал, достанет ли ему сил на новую партию. Три поколения воспитанников – таков был неутешительный итог, и это если приступить к делу молодым, а Сановничий получил назначение уже в зрелые годы. Нынешний выводок был первым и, вероятно, последним, если считать от колыбели до выхода в свет.

Все это пронеслось в голове директора за ту долю секунды, пока он дергал дверную ручку. Стоя в крошечной тьме, ибо в классной комнате не было окон, Сановничий сначала решил, что на подстанции случилась авария. Но оставалась дверь. В ней не было ничего электрического. Ее тупо и дерзко подперли каким-то предметом – может быть, обыкновенной шваброй. Тот факт, что это случилось за считанные секунды до всеобщего отключения, не позволял заподозрить аварию. Злой умысел был налицо. Сановничий похолодел, вдруг поняв, ради чего это сделано. Книга лежала в его кабинете на самом виду: редкий случай необъяснимого головотяпства. Тому, кто вывел из строя электростанцию, не составит никакого труда отомкнуть примитивный замок. В приюте не слишком заботились о запорах, полагаясь на систему наблюдения, которая исключала если не все непотребства воспитанников, то вопиющие – гарантированно. Поэтому злоумышленники поступили просто: они изыскали способ полностью отключить электропитание. Почта, телефон, телеграф. Директор схватился за голову. Они видели. Кто-то оказался свидетелем ночных событий и мог разглядеть не только переброшенный через стену том, но и, неровен час, самого диверсанта. Это неизбежно вело к вопросам, на которые у Сановничего не было готовых ответов.

Однако на сей счет он беспокоился зря. Через десять минут его выпустили, через двадцать – восстановили электроснабжение, а через полчаса состоялся общий сбор, на котором его не спросили решительно ни о чем.

Глава третья

– Хотите, встану перед вами на колени? – спросил отец Илларион.

Было ясно, что он не шутил.

Седой и рыхлый, с косичкой и одутловатым лицом, он стоял перед классом, сцепив на животе короткопалые кисти. Жидкая борода неожиданно распушилась, колючие глаза потемнели и стали иконописными.

– Вот, – сказал отец Илларион и повалился на колени. Ряса обвисла, он стал похож на древний курган. – Верните похищенное, и я согрешу. Я поклянусь Господом Богом нашим, что вас не накажут. Вы сами себе суд, но я вам отпущу этот грех.

Слева от доски выстроились желчный Мандель, безразличный и толстый Пыльин, директор Сановнический, пожилая русистка Смирдина, географ, он же военрук Стрелков по кличке Питон; сверкал очками англичанин Доу, он же немец и француз; теребил свисток физкультурник Блудников – явились почти все. Справа стояли тьюторы, обязанные присматривать за воспитанниками вне занятий: Лобов, Комов, фон Рогофф и Неведомский, все крепкие молодые люди с непроницаемыми лицами и широкими плечами.

Тикали часы.

Предметы старые, давно утратившие лоск вроде этих часов, в приюте странно соседствовали с передовыми – теми же камерами наблюдения последней модели. Интерактивная доска сочеталась с древними партами. Рассохшиеся деревянные рамы были забраны стальными ставнями и жалюзи. Пахло то кислой капустой, то краской и манной кашей, то озоном. Скрипучий паркет оказывался на поверку утепленным полом, виртуальные тренажеры не исключали старинного кинопроектора, обычные замки чередовались с магнитными. Садовнический в десятый раз проклял себя за такой обычный замок в двери своего кабинета.

Воспитанники тоже стояли, глядя перед собой оловянными глазами. Никто не проронил ни слова.

– Не унижайтесь, отец Илларион.

Сановнический шагнул вперед. Священник поднялся на ноги, крихтя.

– Даю вам шрок до жавтрашнего утра, – объявил директор. – Украденный предмет должен вернуть мне в руки любой, кого вы назначите. Не обязательно вор. Я же в швою ошередь обещаю вам жабыть про диверсию – да, инаше мне не выразиться – итак, про диверсию на электростанции. Педагоги и тьюторы доверяли вам. Никто и помышлить не мог, что вам вжбретет в голову подобное негодайштво. Но я прощу вам эту выходку. Отдайте книгу, и да уштановится мир.

Мандель криво усмехнулся, ни на секунду не поверив в действенность его речи. Доу торжественно поправил очки.

Сановнический отрывисто кивнул, давая понять, что на сегодня все. Собравшиеся еще стояли, замороженные тяжестью преступления, и тишина давила настолько, что было очевидно: сейчас все задвигаются, и жизнь кое-как заструится привычным порядком. Но это безмолвие внезапно нарушил истерический смех Димы.

– Негодайштво! – воскликнул тот, повторяя директорское выражение. – Негодайштво!

Он ударил себя ладонями по бедрам и резко согнулся, бляя на высочайших тонах – почти привизгивая; при этом он мотал кудлатой головой и округлял глаза

– И-и-и! – заливался Дима, мерно раскачиваясь.

Вдруг он поднял палец и, не переставая смеяться, принялся водить им стороны в сторону, словно кого-то вразумлял, а то и грозил. Из глаз у него потекли слезы, изо рта свесилась короткая ниточка слюны.

К нему шагнул фон Рогофф, похожий на сейф.

– Прекратить, – скомандовал он.

– Слюшай, а что он сдѣлал? – вмешался Дато. – Не видишь – дурачок!

И пристально посмотрел в лицо. В глазах тьютора неожиданно мелькнул страх. И даже ужас – необъяснимый, хотя и кратковременный. Фон Рогофф сдѣлал движение, будто собрался пасть ниц. У него чуть прогнулись колени, он как бы присел – едва заметно для постороннего взгляда, но вместе все это передалось Дато единым энергетическим залпом. Дато улыбнулся.

– Негодяйство, – всхлипывал Дима, утираясь рукавом.

Сановничий пошел пятнами. Он вперил в него немигающий взгляд, но Дима озорно посматривал поверх локтя и ничуть не смущался.

В приюте не практиковались телесные наказания.

Доу стоял изваянием с непроницаемым лицом, но мало кто сомневался, что он сожалел о розгах и битом кирпиче.

– Можно вопрос? – поднял руку Эштон. Он один сидел, по причине вполне уважительной.

Директор молча посмотрел на него.

– Что такого страшного в этой книге? – спросил тот. – У нас богатая библиотека, в ней чего только нет. Попадают совершенно не детские сцены. Анна Федоровна! Вы нам рассказывали о Набокове, мы прочли. Не кажется ли вам...

– В ней зараза! – вдруг заорал Неведомский, и все вздрогнули. Тьюторы обычно безмолвствовали. – Она из города, снаружи! Неважно, что в ней написано, страшна она сама! Ты уже остался без ног – хочешь и рук лишиться?

Стрелков-Питон кашлянул в кулак, давая понять, что дурак Неведомский влез не в свое дело и городил полную ахинею. Тот и сам осекся, сообразив, что мелет какую-то чушь.

– Ваш тьютор прав, – неожиданно произнес директор. – Шодержание книги не может вам повредить. Опащен шам предмет, умышленно брошенный снаружи – под пулями, прошу вас ушешть. Это наверняка террористический акт, и книга должна отправиться в лабораторию для разьяшнения угрозы.

Он поддержал воспитателя от безвыходности, подумав при этом с горечью, что давно миновала славная пора доверчивого детства, когда любой запрет легко объяснялся зачумленностью окружающего мира. Он знал, что воспитанники перестали воспринимать опасность вперед и активно искали ответы на множившиеся вопросы. До выпуска осталось совсем немного, и нужно было продержаться, а дальше хоть потоп...

– А зачем вы принесли такую страшную вещь в кабинет? – осведомился толстый Джонни.

Книгу, пока не работали камеры, давным-давно раздербанили на листы, которые рассовали по учебникам и тетрадям, а что не поместилось – спрятали на самом виду, за классной доской прямо вот здесь же; переплет с отстреленным уголком разломали на мелкие части и спустили в канализацию. В приюте шел обыск; пока воспитанники были собраны в классе, спустившиеся с вышек охранники переворачивали вверх дном решительно все, разоряли койки, перебирали нехитрый скарб обитателей – тщетно.

Сановничий счел за лучшее не отвечать – махнул на недоумков рукой и вышел за дверь.

– Нашиняйте урок, – бросил он через плечо.

Пыльин подошел к столу и начал выкладывать инвентарь: учебник, журнал, стопку тетрадей, авторучку и очки. Педагоги и тьюторы потянулись к выходу – кто медленнее, кто быстрее; возник смешной затор, и Боваддин сдавленно гоготнул.

Глава четвертая

Иоганн склонился к уху Дато:

– Я не сказал... Тот, который бежал, был вылитый я.

Пыльин тем временем монотонно разглагольствовал о Крымской войне. Дело было давнее, и в день обыкновенный класс непременно погрузился бы в сон, но нынче воздух был наэлектризован. В ушах звучал директорский ультиматум.

– Император Николай отказался вывести войска из Молдавии и Валахии, – бубнил Пыльин. – За это Турция, а следом – Великобритания и Франция объявили России войну...

Дато не удивился. Не поворачивая головы и глядя в тетрадь, он буркнул:

– Двойник? Тэмно было. Дождь. Чача. Что ты там разглядэл в жалузи?

– Видно было паршиво, – шепотом признал Иоганн. – Но все равно как в зеркале. Его осветили прожектором.

– Значит, у тэбя есть брат, – бесстрастно сказал Дато. – Был.

– Ну да, – кивнул тот. – Только зачем нас разлучили? Я думаю другое: где-то вырастили такого же...

– Кому ты нужэн? – хмыкнул Дато. – Опять про клонов?

– Нет, ну а сам подумай...

– Иоганн, – окликнул его Пыльин. – Повтори, о чем я сейчас говорил.

Дато встал, стукнув крышкой парты.

– Эта Великобритания уже давно напрашивалась, но Николай нэ был готов к войне.

– Очаровательно, – сказал Пыльин. – Твоя бесхитростная манера выражаться подкупает, но попрошу тебя развить эту ослепительную мысль. Что ты подразумеваешь под выражением «давно напрашивалась»?

– А развэ нэт? – удивился Дато, вполне уверенный в себе. – Великобритания давно рэшила, что ей всо можно. В Лондонском Сити скопились вэсэ мировые финансы. Ост-Индская компания прэвратилась почти в самостоятельное государство. Англия правила Индией, Австралией, хозяйничала в морях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.